

А.И. Цагарили

**О грамматической
литературе грузинского
языка**

Критический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
А11

А11 **А.И. Цагарили**
О грамматической литературе грузинского языка: Критический очерк / А.И.
Цагарили – М.: Книга по Требованию, 2013. – 124 с.

ISBN 978-5-518-07283-1

ISBN 978-5-518-07283-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возникновеніе и развитіе грамматическихъ понятій въ литературѣ какаго-нибудь народа, какъ признакъ сознательнаго, критическаго отношенія къ языку, есть, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ шаговъ впередъ въ умственной жизни его. Но понятія эти возникаютъ и развиваются не вдругъ, а постепенно и въ разныхъ видахъ: сначала они тѣсно связаны съ экзегетическимъ и лексическимъ (этимологическимъ) разборомъ и объясненіемъ трудно понимаемыхъ писателей. Изъ экзегетико-этимологическаго хаоса мало-по-малу выдѣляются и специализируются логическія и грамматическія категоріи и опредѣленія; но грамматика и логика еще долго связаны между собою, грамматическія категоріи еще долго представляются въ формѣ логическихъ понятій и опредѣленій. Освободившись же и отъ этой логической примѣси, грамматич. категоріи все еще смѣшиваются между собою, такъ, напр. именительный падежъ, или имя, отождествляется съ подлежащимъ, глаголь съ сказуемымъ, дополнительные члены предложенія съ косвенными падежами, фонетика съ орфографіей и т. п. Наконецъ устанавливается болѣе или менѣе строгое разграниченіе и между частями рѣчи и ихъ категоріями, составляется сборникъ правилъ и предписаній по лучшимъ (обыкновенно труднопонимаемымъ) писателямъ и принимается въ школахъ какъ руководство, „которое учить правильно говорить и писать“ на данномъ языкѣ. Но на этой ступени развитія грамматика еще не есть *наука*, она только *искусство* (τεχνη, ἄρτεз-бзд), какъ она была извѣстна у древнихъ и у грузинскихъ грамма-

тивовъ. Древность не пошла дальше, грамматика служила для удовлетворенія практическихъ потребностей, напр. священникамъ и учителямъ нужна была для поученія народа въ церквахъ и школахъ и т. п., и только сравнительно въ недавнее время она стала настоящею наукой, изслѣдующей законы, управляющіе жизнью и развитіемъ языка. Въ этомъ видѣ грамматика достояніе и плодъ новѣйшаго времени, европейскаго ума. Но и въ первомъ видѣ, т. е. въ видѣ искусства, грамматическая дисциплина возникла и установилась вполне самостоятельно, независимо отъ иностраннаго вліянія, далеко не у всѣхъ, или даже не у многихъ народовъ; только у двухъ классическихъ народовъ — индійцевъ и грековъ, встрѣчаемъ мы возникновеніе и органическое развитіе этой дисциплины; у обоихъ народовъ грамматическія попытки начались комментаріями древнѣйшихъ памятниковъ письменности — Ведъ и Гомера; зачатки эти, развиваясь и формируясь мало-по-малу, выразились, какъ въ окончательномъ результатѣ, у первыхъ въ образцовомъ грамматич. сборникѣ Панини (Pāṇini около III ст. до Р. Х.), у послѣднихъ въ грамматич. эскизѣ Діонисія еракійскаго (въ I ст. до Р. Х.). Этотъ послѣдній будучи примѣненъ къ латинскому языку, въ этомъ новомъ видѣ, часто съ латинскою же терминологіею, обошелъ весь цивилизованный міръ, (конечно, говорящій на приставочныхъ и флексивныхъ языкахъ), послуживъ то прямой, то косвенной причиною началу грамматической литературы у разныхъ народовъ древнихъ и новыхъ *).

Со времени принятія грузинами христіанства (въ началѣ IV в.) началось умственное и нравственное вліяніе Византіи и Сиріи на Грузію, греческое высшее духовенство долгое время было господствующимъ элементомъ въ странѣ; хотя въ VIII в. съ утвержденіемъ династіи багратидовъ въ Грузіи, мѣстное высшее духовенство окончательно приобрѣло первенствующее значеніе и, въ этомъ отношеніи, иностранное вліяніе ослабло, тѣмъ не менѣе Греція еще долго служила источникомъ образованія для грузинъ, желавшихъ получить

*) Beiträge zur Geschichte der Grammatik etc. v. Dr. K. E. A. Schmidt, Halle, 1859. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache v. M. Müller... bearbeitet v. D. C. Böttger, Leipz. 1866, p. 96, 99. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern, v. Steinhilber. Berl. 1863, p. 24. Geschichte d. Sprachwiss. u. orientalischen Philologie in Deutschland, v. Benfey. Münch. 1869, p. 190, 191.

высшее или лучшее, по тогдашнему понятію, образованіе. Такъ еще со времени царя Давида-Возобновителя (XI в.) положено было посылать въ Аѳины на счетъ царства ежегодно молодыхъ людей для полученія классическаго образованія. Этими-то возвратившимися грузинами (въ XI и XII в.) и сдѣланы переводы на груз. языкъ значительнаго числа греко-римскихъ писателей. Въ числѣ другихъ предметовъ, какъ видно, не была забыта и грамматика (см. стр. 12, 106, 107). Съ нашествіемъ монголовъ на Грузію (въ началѣ XIII в.), если не совсѣмъ прекращается, то значительно ослабѣваетъ это духовное общеніе между Византією и Грузією, въ которую за Чингизъ-ханомъ слѣдуютъ опустошительныя вторженія другихъ азіатскихъ не менѣе страшныхъ завоевателей — Тамерлана, шаха Абаса и др., разрушившихъ въ этой странѣ разсадники, хранилища письменности и просвѣщенія — монастыри и церкви, вмѣстѣ съ находящимися при нихъ школами и библіотеками. Къ этому же прибавились и внутренніе раздоры и несогласія, возникшія по раздѣленіи Грузіи на три царства (въ XV в.) между царями Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи, такъ что въ продолженіе четырехъ вѣковъ (XIII — XVII), не только не было никакого приращенія къ умственному капиталу XI и XII вѣковъ, но и пропало многое изъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, оставшихся отъ трудолюбивыхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей этого классическаго періода грузинской литературы, и только съ начала XVII вѣка снова начинается на долго прерванная литературная дѣятельность, пробуждается любовь и къ древнимъ памятникамъ письменности, начинаютъ отыскивать между ними и грамматику. Царь Теймуразъ, кн. Саба Орбеліани — лексикографъ и баснописецъ, царь Вахтангъ VI — историкъ и законодатель, Вахуштій — географъ тщетно ищутъ, нигдѣ ее не находятъ; о грамматикѣ же, составленной по ихъ предложенію нѣкіимъ Захаріемъ, Антоній Католикосъ замѣчаетъ, что „она не есть грамматика.“

Наконецъ, въ половинѣ XVIII ст. самъ Антоній задумалъ составить грамматику грузинскаго языка, но прежде всего самъ изучаетъ „грамматическое искусство“ *წიგნი გრამატიკისაჲსა*. Плодомъ этихъ занятій и была грузинская грамматика Антонія, составленная по плану и методѣ грамматики Мхитаря севастійскаго. Это было въ 1753 году. Черезъ четырнадцать лѣтъ, именно въ 1767 г. снова составляетъ грамматику грузинскаго языка, отличающуюся осо-

бенною подробностью и самостоятельностью какъ въ формальномъ, такъ и материальномъ отношеніяхъ. Вотъ этими-то грамматическими трудами Антонія Католикоса и начинается собственно *въ систему приведенная туземная грамматическая литература, дошедшая до насъ*. Многимъ изъ послѣдующихъ, туземныхъ грамматиковъ труды его служили и источникомъ и пособіемъ, такъ что самостоятельнаго и новаго внесли они въ груз. грамматику, по крайней мѣрѣ въ фактическомъ отношеніи, немного.

Иностранная грамматическая литература грузинскаго языка, начавшаяся съ первой половины XVII ст. продолжается вплоть до нашихъ дней. Въ продолженіе этого времени появлялось нѣсколько весьма дѣльных трудовъ объ этомъ языкѣ, между которыми, безспорно, первое мѣсто занимаютъ грамматическіе труды г. академика Броссе, появившіеся въ 34 — 37 годахъ. Но съ того времени наука языковѣдѣнія сдѣлала громадныя успѣхи: дисциплина ея сдѣлалась спеціальнѣе, опредѣленнѣе и строже, методы (естественный, статистическій, историческій и сравнительный), употребляемые ею, задачи и цѣли, преслѣдуемыя ею, выяснились и установились, вслѣдствіе чего измѣнились взгляды науки и ученыхъ на характеръ многихъ языковъ, между прочимъ и на характеръ грузинскаго языка (см. стр. 75), сообразно съ этимъ и изслѣдованіе ихъ потребовало новыхъ пріемовъ, новыхъ работъ и, прежде всего, пересмотра существующей грамматической литературы этихъ языковъ. И дѣйствительно, если на основаніи строгихъ требованій современной лингвистической науки спросимъ: къ какимъ научнымъ результатамъ привела болѣе, чѣмъ двухвѣковая разработка грузинскаго языка туземными и иностранными грамматиками? Извѣстны ли основныя законы его внутренняго механизма, его грамматическаго строенія? Съ какой семьей языковъ имѣетъ онъ генетическую связь? Мы должны будемъ признаться, что отвѣты, которые даетъ существующая грамматич. литература на упомянутые вопросы, далеко неудовлетворительны. Въ настоящее время лингвисты также даютъ этому языку эпитетъ „загадочный, удивительный“ (*räthselhafte, merkwürdige*), приступая къ анализу его формъ, и въ настоящее время также спорятъ объ его индо-европейскомъ характерѣ, какъ это дѣлалъ болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ Лейбницъ (см. стр. 67).

Главнѣйшія причины этого явленія, по моему мнѣнію, заключаются, во первыхъ, безъ сомнѣнія, въ самой *трудности предмета из-*

сльдванія, во вторыхъ, въ *недостаточности матеріала*, которымъ до сихъ поръ ограничивались изслѣдователи и, въ третьихъ, въ *неудовлетворительности системы, методы*, примѣняемой къ изслѣдованію его. Объяснимся: грузинскій языкъ, и самъ по себѣ полный особенностей и своеобразностей, будучи съ незапамятныхъ временъ подверженъ сильному культурному и литературному вліянію болѣе развитыхъ сосѣднихъ языковъ и народовъ, и притомъ различныхъ семействъ (индо-европейскаго, семитическаго, туранскаго), такъ искажилъ свою грамматическую фیزیономію и столько воспринялъ чуждыхъ лексическихъ и даже грамматическихъ элементовъ, что изслѣдователь не безъ большаго труда можетъ отличить въ немъ туземное отъ иностраннаго, слѣдовательно, первое дѣло изслѣдователя — стараться возстановить типъ языка въ возможно полномъ и цѣльномъ видѣ, очистить его, насколько это возможно, отъ иноязычной примѣси. Но для этого, конечно, недостаточно ограничиться однимъ только грузинскимъ языкомъ, а *расширить кругъ изслѣдованія*, обративъ вниманіе и на другіе діалекты (мингрельскій, лазскій, сванетскій) и говоры (напр. гурійскій, грузинскихъ горцевъ: тушинъ, пшавцевъ и хевеуръ) основнаго (Grundsprache) иберійскаго языка, въ которыхъ часто встрѣчаются древнѣйшія формы и особенности языка, утраченныя уже въ грузинскомъ. Въ этомъ убѣдилъ меня бѣглый обзоръ морфологіи иберійскихъ языковъ (см. стр. 77 — 78), такъ въ лазскомъ я нашелъ во всѣхъ временахъ еще одну цѣльную форму вспомогательнаго глагола, тогда какъ въ грузинскомъ она образуется изъ трехъ совершенно различныхъ глагольных корней: наст. вр. *з-ѡѣ*, прош. *з-ѡ-зѡз*, будущ. *з-ѡ-ѣѡб-зѡ*, первый изъ этихъ корней и есть собственно представитель значенія *существованія, бытія*, два остальные значать: *дѣлать, творить*, и въ страдательной формѣ употребляются вмѣсто утраченной формы вспомогательнаго глагола въ прошедшемъ и будущемъ временахъ. Наконецъ, третье, не менѣе важное препятствіе, мѣшавшее до сихъ поръ успѣшности изслѣдованія заключается въ томъ, какъ я убѣдился изъ обзора грамматич. литературы, что въ основаніе грузинской грамматики была положена и туземными и иностранными грамматиками греко-латинская грамматическая система, конечно, съ нѣкоторыми варіаціями. Система эта, не приведшая къ желаемымъ результатамъ и этимъ доказавшая свою негодность, должна быть замѣнена другою, болѣе соотвѣтствующей духу языка грузинскаго, даю-

шей особенностямъ его строенія болѣе простору, больше возможности обнаружиться, — метода эта, мнѣ кажется, можетъ быть напр. приблизительно въ родѣ той, какой держались В. Гумбольдтъ при изслѣдованіи баскскаго языка, Кастрень — урало-алтайскихъ языковъ и какой держатся въ новѣйшее время г. академикъ Шифнеръ и баронъ П. К. Усларъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о сѣверо-восточныхъ языкахъ Кавказа. Думаю, что результаты, имѣющіе получиться такимъ путемъ, судя по аналогіи, должны быть плодотворнѣе для науки, чѣмъ тѣ, которые добыты до сихъ поръ по господствующей методѣ, въ которой вѣртятся грамматики столько времени, какъ въ закодированномъ кругу, не находя исхода.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о самой книгѣ. Цѣльнаго критическаго обзора всей грамматической литературы грузинск. языка еще никто не дѣлалъ, тѣ же библиографическія и критическія замѣтки, сдѣланныя, по большей части, людьми не близкознакомыми съ грузинскимъ языкомъ и его литературой, которыя появлялись по поводу выхода въ свѣтъ новыхъ грамматическихъ твудовъ, я указываю въ самой книгѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что попытки сдѣлать обзоръ всей грамматической литературы, встрѣтила бы большія затрудненія, по недостатку матеріала, вездѣ, кромѣ С.-Петербурга, гдѣ обширныя книгохранилища, такъ богатыя сокровищами особенно по части восточной литературы, дали мнѣ возможность имѣть подъ руками, за исключеніемъ двухъ-трехъ, почти всѣ рукописныя и печатныя сочиненія, относящіяся къ моему предмету.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я даю первенствующее мѣсто грамматическимъ трудамъ Антонія Католикоса, какъ *первому подробному, еще неизданному произведенію туземной грамматической литературы*, дошедшему до насъ. Конечно, при этомъ всякій разъ указываю на улучшенія, сдѣланныя послѣдующими грамматиками какъ относительно болѣе раціональнаго распредѣленія грамматическаго матеріала, такъ и обогащенія грамматической науки новыми фактами и наблюденіями. Я позволю себѣ обратить вниманіе читателя еще на слѣдующее обстоятельство: содержаніе грамматики, составленной Антоніемъ въ 1753 г., первый разъ дѣлается, въ существенныхъ чертахъ, извѣстнымъ въ печати; до сихъ поръ извѣстно было только, что „кромѣ про странной грамматики Антонія (1767 г.), существуетъ еще грамматика, составленная имъ въ 1753 г. по образцу Мхитаровой грамма-

тики“ *). Эта традиціонная фраза первый разъ находитъ подтвержденіе и поясненіе въ предлагаемомъ трудѣ. Я отыскалъ экземпляръ этой грамматики въ Азіатск. Музеѣ Академіи Наукъ подъ № 88, b. Результаты этой находки превзошли мои ожиданія: я нашелъ въ этой рукописи пространное предисловіе, которое я привожу въ переводѣ, выпуская, конечно, мѣста (какихъ очень много), не имѣющія отношенія къ занимающему меня предмету. Предисловіе это проливаетъ совершенно новый свѣтъ на исторію грузинской грамматики, — изъ него мы узнаемъ, что нѣсколько разъ были сдѣланы попытки къ составленію груз. грамматики, что одинъ изъ такихъ опытовъ уже существовалъ во время Антонія, котораго онъ, впрочемъ, даже не удостоиваетъ названія грамматики; далѣе, мы знакомимся съ длиннымъ процессомъ подготовки Антонія къ составленію грамматики и съ тѣмъ, какъ онъ пользовался грамматикой Мхитара, равно мы узнаемъ изъ этого же предисловія, что Антоній отрицалъ существованіе грамматики въ древне-грузинской литературѣ, тогда какъ онъ самъ же цитуетъ одного грузинскаго грамматика XII ст. Іоанна Петрици и нѣсколькихъ другихъ называетъ грамматиками (см. стр. 12).

Кромѣ цѣли *чисто-грамматической*, предпринимая предлагаемую работу, я имѣлъ въ виду и другую — *историко-литературную*. Разработка исторіи грузинской литературы находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что сдѣлать сколько нибудь наукообразный очеркъ грузинской литературы пока почти невозможно, такъ какъ значительная часть памятниковъ не разобрана критически, не указаны: авторъ, время, мѣсто написанія и т. п.; даже относительно многихъ памятниковъ не опредѣлено, оригинальны ли они или переведены съ иностранныхъ языковъ, наконецъ, многіе изъ тѣхъ, которые считаются за переводныя сочиненія — неизвѣстно въ точности когда, кѣмъ, съ какого языка, съ какимъ знаніемъ дѣла сдѣланы и т. п. Мнѣ кажется, что, если разработать критически сначала по частямъ, каждую отрасль литературы отдѣльно, (какъ это сдѣлано напр. академикомъ Броссе отно-

*) Ак. Броссе сожалѣетъ, что не имѣлъ подъ руками въ Парижѣ этого интереснаго труда Антонія: Antoni, jeune encore, говоритъ г. Броссе, rédigea en 1754 une première grammaire, qui avoit au moins 3 parties... elle étoit remplie d'exemples traduits de l'arménien, mais du moins n'y avoit-il aucun mélange de nos idées européennes, et c'est sous ce rapport que *je considère comme un grand malheur de n'avoir pu consulter ce livre*. L'Art Libéral. Paris, 1834. p. VI.

сительно исторической литературы), такъ, напр. поэтическую, — однихъ романовъ, конечно существующихъ еще въ рукописяхъ, считается до 25, далѣе, Житія святыхъ, которыми весьма богата грузинская литература и т. п., говорю, на основаніи такихъ изысканій современемъ можно будетъ сдѣлать подробный и наукообразный очеркъ исторіи груз. литературы. Лишу себя надеждой, что настоящій трудъ мой, рассматривающій грамматическую часть грузинской литературы, будетъ не бесполезенъ и въ этомъ отношеніи.

I.

ОТДѢЛЪ I.

О ГРАММАТИЧЕСКИХЪ ТРУДАХЪ

КАТОЛИКОСА АНТОНІЯ I.

Was glänzt, ist für den Augenblick geboren;
Das Aechte bleibt der Nachwelt unverloren.

Гѣте, «Фаустъ».

§ 1. Для лучшаго пониманія грамматическихъ трудовъ Антонія, слѣдуетъ намъ, прежде всего, познакомиться съ самою личностью автора, его біографіею, имѣющею тѣсную связь съ его трудами, въ которыхъ онъ неоднократно ссылается на обстоятельства своей жизни, знакомство съ которой проливаетъ новый свѣтъ и на его грамматическія произведенія; за тѣмъ слѣлаемъ краткую характеристику его взглядовъ на языкъ, грамматику и т. п. на основаніи его же собственныхъ словъ, которыя мы предпошлемъ нашей характеристикѣ, въ виду болѣе убѣдительности ея для читателя и, наконецъ, описавъ рукописныя грамматическія труды, которыми мы пользовались, представимъ содержаніе ихъ съ указаніемъ мѣстъ, заимствованныхъ Антоніемъ изъ иностранныхъ авторовъ.

Антоній Католикосъ — патріархъ Карталиніи, Кахетіи и Албаніи, былъ сынъ царя Іессея, принявшаго магометанство, брата Вахтанга VI законодателя и историка. Антоній родился въ 1714 г. и былъ названъ Арчиломъ. Воспитывался въ Давидо-Гареджіекой пустынѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Тифлиса, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, изучая духовную и свѣтскую литературу и языки татарскій и персидскій.

Во время опустошительнаго набѣга турокъ и лезгинъ на Грузію родственники взяли 16-ти лѣтняго Антонія изъ упомянутаго монастыря и послали въ 1729 году скрыться въ Осетію; во время бѣгства его сопровождалъ памфилійскій митрополитъ Парфеній, который и училъ молодаго Арчила въ это же время греческому языку.

Послѣ смерти царя Іессея, въ 1729 году, турки подарили Арчилу (Антонію) отцовскій дворецъ въ Тифлисѣ и назначили ему жалованье изъ городскихъ доходовъ; здѣсь Антоній женился, но, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ непріятностей, оставилъ жену и удалился въ Имеретію. Спустя нѣсколько лѣтъ жена его умерла, а онъ, оставшись вдовцемъ, поступилъ въ монахи (противъ воли матери) и названъ Антоніемъ¹⁾. Быстро прошелъ онъ всѣ степени монашеской іерархіи, такъ что въ 1738 году Антоній былъ уже Кутаисскимъ митрополитомъ, — ему тогда было 24 года отъ роду.

Въ 1747 году карталинскій царь Теймуразъ пригласилъ своего племянника Антонія на вакантное мѣсто Католикоса въ Тифлисѣ. Къ этому времени относится составленіе 1-ой грузинской грамматики Антонія; такъ какъ открытіе школъ въ большемъ количествѣ и учрежденіе Телавской семинаріи (въ Кахетіи) вызвали настоятельную необходимость и въ учебныхъ пособіяхъ, надъ составленіемъ которыхъ трудился, главнымъ образомъ, самъ же Антоній, то съ этою цѣлью онъ сблизился съ католическими миссіонерами и армянскими священниками, которые удовлетворяли его любознательность и помогали ему въ учебныхъ и ученыхъ работахъ; но народъ и царь это сближеніе приписали сочувствію католической церкви. По приказанію царя миссіонеры были удалены изъ предѣловъ царства, а Антоній преданъ церковному суду, который и имѣлъ мѣсто въ Мцхетѣ, древней столицѣ Грузіи, въ присутствіи самого царя. Антоній признался въ своемъ увлеченіи и просилъ прощенія у присутствующихъ, но судьи были неумолимы и, по 18-ти мѣсячному заточеніи въ темницѣ, лишивъ Антонія сана Католикоса, позволили ему выѣхать въ Россію, гдѣ въ то время жили его родственники²⁾.

Въ апрѣлѣ 1756 года Антоній оставилъ Грузію, а въ мартѣ 1757 года онъ прибывъ въ С.-Петербургъ, представилъ Св. Синоду собственноручно-написанное исповѣданіе вѣры, которое было признано совершенно согласнымъ съ ученіемъ Православной Церкви, вслѣдствіе чего, по приказанію императрицы Елисаветы Петровны, было поручено